

СПРАШИВАЕМ-ОТВЕЧАЮТ...

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ» 15 6 ФЕВРАЛЯ 1987 г. Алла ДЕМИДОВА:

«В творцы беру вас...»

Однажды после премьеры фильма «Дневные звезды» я пришел к Ольге Берггольц, по чьей автобиографической книге была сделана картина, чтобы узнать ее мнение об этой ленте. Приготовился к пространным интервью, но тут Ольга Федоровна предупредила, что хочет сказать лишь самое главное. Вот что записал тогда в блокноте: «Я от всей души благодарю Аллу Демидову — за себя, за папу, за всех нас, ленинградцев. Демидова ничего не смягчила и ничего не утрировала. Она показала ленинградскую женщину — полуумирающую, но не сдающуюся, такую, какой я была тогда... Я подарила ей подсвечник. Почему именно подсвечник? Наверное, потому, что считая: пока свеча горит, человек думает...»

Да, «Дневные звезды» дали нам большую киноактрису (зрителю Театра на Таганке знали ее и раньше). Потом были другие значительные работы народной артистки РСФСР Аллы Демидовой — и на сцене, и на экране, и зритель снова и снова радовался этому очень своеобразному таланту.

— Алла Сергеевна, споры о «современной» и «несовременной» манере игры не стихают уже два десятилетия. Как лично вы расшифровываете для себя понятие «современный актер»?

— Когда-то на этот вопрос отвечала очень легко, но с годами чем больше думала, тем ответить становилось все труднее. Пожалуй, талантливые актеры во все времена были современны, остаются современными они и сейчас. Вот посмотрела как-то на телеэкране спектакль с участием Варвары Николаевны Рыжовой. Пленка старая, снятая лет тридцать назад, но, поверьте, более современной актрисы давно не видела. А ведь актриса вроде бы старой-старой школы...

— Может, все дело в том, что эта актриса характерная? Героине было бы сложнее...

— Верно, это тоже имеет значение. Но вот я подумала: какие герои прошлых лет остались для меня сегодня современными? Вспомнился Бабочкин в «Чапаеве», который и теперь совершенно безукоризнен. Или Симонов в «Петре Первом». Потому что в каждой из этих ролей важен и запоминается именно характер. Есть характер — значит и актер современный...

Но, конечно, существуют и какие-то отличительные черты актера нашего времени. Прежде всего — сдержанность. Сдержанность — выразительных средств. Понимаете, актерская профессия — единственная профессия из всех искусств, когда я в творцы беру и вас, зрителей. И чтобы зритель был со мной на равных, мне не надо ему ничего разжевывать. Зрителя надо только натолкнуть, чтобы дать верный импульс, верную доминанту, верный ключ. А дальше он со мной уже пойдет, дофантасирует. Вот эта сдержанность манеры, на мой взгляд, определяет современного актера. И еще — интеллигентность, интеллектуальность...

— Вы сказали: «Беру в творцы и зрителя». Значит, зритель для вас — соучастник спектакля. Какой же зритель вам необходим, чего вы от него ждете?

— Нельзя ориентироваться на всех. Каждый актер неосознанно прислушивается к своему зрителю. Проблема зрителя — это проблема театра. Что значит — хороший театр или плохой? Плохой — это театр со случайным зрителем. А случайный зритель делает плохим и актера. Получается обратная связь. Допустим, талантливый человек попадает в плохой театр. Сначала он играет тонко, хорошо. Но случайный зритель на такую игру не реагирует, он реагирует на более грубые краски, когда «палкой по голове». Актеру, как канифоль для смычка, нужно одобрение, нужна взаимосвязь с залом. И он сначала сознательно, а потом бессознательно идет на тот круг, на котором играет весь этот театр... У хорошего же театра — зритель свой...

— И что же, за два десятилетия зритель в вашем театре не изменился?

— Изменился, и не только в Театре на Таганке... Чаще всего мы говорим на языке выразительных средств шестидесятых годов, а ведь мировоззрение тех, кто ходит в театр, меняется. Зритель не терпит

фальши — ни в чувствах, ни в мыслях, ни в словах. В середине шестидесятых зал реагировал на острую сценическую форму — так возникла Таганка. Зрителя привлекало разрушение традиций. В начале семидесятых люди очень откликались на слово, удивлялись: то, о чем говорим, спорим с друзьями дома, актеры производят со сцены! Так возникало общественное мнение, и «болезнь» ставился социальный диагноз. Мы играли Федора Абрамова, Юрия Трифонова... В середине семидесятых людей стало волновать все, что касается человеческой духовности, индивидуальности личности, но театр подобного разговора почти не вел. Робко делает он это и сегодня. А зрителю важно получить ответ на «детский» вопрос Достоевского: «Зачем я?»

Не задумывались: почему сегодня такой интерес к актерам? Вот и вы сейчас меня интервьюируете. Может, потому такой интерес, что люди привыкли носить в жизни маски: на работе они одни, дома — другие, с друзьями — третьи... Человек не замечает, как эти маски меняет. А актер по самой своей профессии — лицедей. Вот и происходит у окружающих к моим коллегам некая подсознательная тяга, хочется им выяснить: может ли человек под этими масками себя как личность сохранить?

В общем, получилось, что истинных театралов мы от театра в какой-то мере оттолкнули, и сейчас к нам люди, зараженные «духовной жадью», приходят гораздо реже. Зато частым гостем стал, увы, совсем иной зритель, который не привык думать, размышлять, зато обожает зрелища и готовые решения. По мере сил стараюсь на поводу у такого зрителя не идти, хотя, конечно, совсем не зависать от того, кто в зале, сложно. Хорошо, что есть друзья, которым доверяю, — так сказать, собственный «худсовет»: прошу посмотреть пятидесятый спектакль, сотый, чтобы очистить себя от наносного влияния подобной публики... Похожую ситуацию наблюдаю и в других театрах...

— Извините за банальный вопрос: для чего вы, столь успешно работая в театре, все-таки стремитесь в кино?

— В основном из-за ролей. И потом, очень полезна сама специфика киноискусства: сиюминутность происходящего и концентрация всех эмоциональных сил. Для театрального актера это важно очень. Потому что многомесячные репетиции в театре обычно расхолаживают. Вроде бы роль дотова, сегодня не хочется репетировать — думаешь: подтяну завтра... А в кино — только сейчас, и никогда больше! И нужно быть всегда готовой. Даже если твой кусок снимают к концу смены. Например, в фильме «Шестое июля» очень ответственный эпизод — речь Спиридоновой на съезде — снимали после моего двенадцатичасового простоя. И все двенадцать часов я должна была быть на старте. Эта мобилизация всех эмоциональных чувств, этот ритм — очень положительная черта кино...

— На какой свой спектакль идете с особой радостью?

— Не скажу, что с радостью, но всякий раз очень готовлюсь к «Вишневому саду». Спектакль был поставлен десять лет назад Анатолием Эфросом, но после смерти Володи Высоцкого с репертуара снят. Мы без него и не хотели играть.

Однако осенью восемьдесят пятого получили приглашение в Белград, на театральный фестиваль, с обязательным условием — показать «Вишневый сад». Возобновили. Лопухина стал играть Борис Дьяченко. Высоцкого он не видел — это и хорошо. Спектакль не изменился, но изменились мы. Я играю Раневскую по-другому — это требует большой внутренней подготовки...

— Какие из смежных искусств вам необходимы?

— Живопись, музыка... Работа над ролью у меня всякий раз ассоциируется с работой художника. Например, «Дневные звезды» — это определенно была живопись маслом, густыми мазками... А Леся Украинка в ленте «Иду к тебе» — графика. А то, что делала в фильме Ларисы Шепитко «Ты и я», — акварель... Это у меня всегда ассоциативно с чем-то связано... Когда работаю над классикой, обычно решение роли ишу у старых мастеров. Например, Раневская: всю пластику и решение костюма мне подсказал ранний символизм — именно это направление в живописи. Кое-кто недоумевает: «У Раневской и прическа, и костюм современные». Да, я играю без парика, с короткой стрижкой. В начале века такая прическа называлась «собачье ухо», и носили ее модные, авангардные женщины. Но ведь и Раневская, по Чехову, приехала из Парижа, а в Париже, как говорит Аня, «мама живет на пятом этаже»... Это по тем временам! И накурено, уютно... Кстати, в Ялте, в доме Чехова, помните портрет жены его брата, Александра Павловича? Прическа тоже очень короткая. Так что исторически все верно...

А что особо волнует из музыки? «Уймись, волнения стоасти...» — в исполнении Шалапина. Часто ставлю на магнитофон Высоцкого. Поскольку при жизни Володя находился рядом, у меня не было ни одной его записи. Как сейчас мне его не хватает: его партнерства, его энергии, его положительного заряда, его жизненного оптимизма, оптимизма — несмотря ни на что!

— Пожалуй, о Высоцком чуть подробнее...

— Я много писала о Володе: и в «Литературном обозрении» — о его театральных работах, и в «Советской России» — о его последних спектаклях, и в «Юности» — о его Гамлете. В частности, там я подчеркивала, что Володя — один из немногих актеров, который постоянно нес «пол», вел мужскую тему. Кого бы он ни играл, все это были люди мужественные, решительные, испытывавшие не один удар судьбы, но не уставшие бороться, отстаивать свое место в жизни. Вся энергия была направлена на безусловное преодоление ситуации, безотносительно к наличию выходов и вариантов. В любой безысходности — искать выход.

В беспросветности — просвет! И во всех случаях знать и верить: «Еще не вечер! Еще не вечер!». Дерзание и дерзость... Он абсолютно владел залом. Он намагничивал воздух. Он был хозяином сцены. Не только из-за его неслыханной популярности. Он обладал удивительной энергией, которая, саккумулировавшись на образе, как луч сильного прожектора, билась в зал. Это поле таланта люди ощущали даже кожей. Я иногда в мизансценах специально заходила за его спину, чтобы не попадать под эту сокрушающую силу воздействия...

— Вас не раздражает нынешняя мода «на Высоцкого» — имею в виду, что его записи считают необходимым иметь у себя даже те, против кого артист так яростно выступал...

— Бог с ними... А о том, что Высоцкого поют повсюду, не жалею. Даже если к Володе относиться потребительски, его чистота, естественность все равно делают свое доброе дело...

— Что вы читаете?

— Читаю много и разбросанно. Раньше старалась не упустить ни одну новинку из современной литературы, но сегодня это интересует меня меньше. Мне кажется, наша литература была хороша, когда мы только ставили диагноз нашим социальным болезням, когда находили острое слово нашей неудовлетворенности. Но диагноз поставлен, болезнь пора лечить, а мы все повторяем больному: «Ты болен, ты болен...» Но ведь от этого он не выздоровеет. Для «врачевания» нужно какое-то другое мироощущение — философское, более масштабное, когда решаются вопросы не одного человека, а всего человечества, так как выясняется, что живем мы очень тесно. Поэтому все чаще возвращаюсь к классике... А на отдыхе — детективы: в них разрядка и успокоение... В последнее время подготовила на телевидении несколько поэтических передач: Пушкин, Блок, Ахматова, Берггольц... Много сил потратила на телефильм «Пиковая дама», читала от автора. В связи с этим вновь перечитала всего Пушкина...

— Ваши планы на ближайшее будущее?

— В театре репетирую «Федру»: это не Расин, а Цветаева — очень трудная работа. Снимаюсь у Швейцера в «Крейцеровой сонате». На ТВ готовлю цикл по поэзии Цветаевой. В издательстве «Искусство» в производстве моя книга «Подвалы памяти» — о психологии творчества, о формировании мировоззрения художника. Закончила книжку о Смоктуновском...

Вел беседу и сфотографировал актрису Лев СИДОРОВСКИЙ